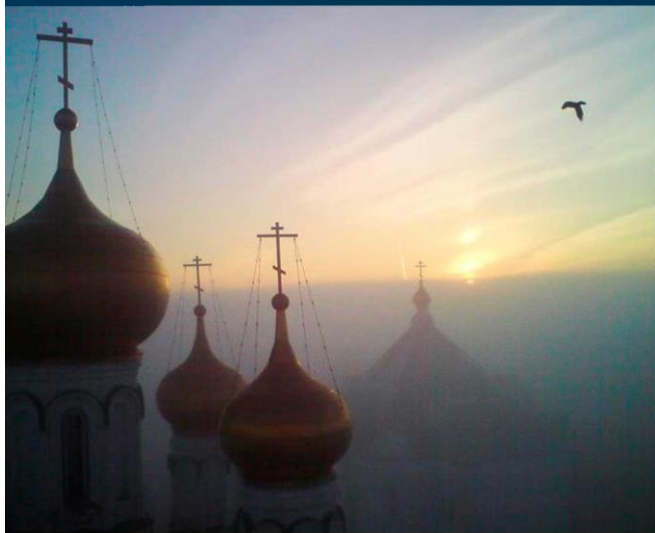

Григорий Нисский

О ДЄВСТВЕ

Св. Григорий Нисский (335–394 гг.), бывший епископ г. Ниссы внес весомый вклад в развитие христианской философии.

Святитель Григорий Нисский был пламенным защитником Православных догматов и ревностным учителем своей паствы; отличался великодушием, терпением и миролюбием.

Дожив до глубокой старости, святой Григорий Нисский мирно скончался, вскоре после Константинопольского Собора (после 394 г.). Вместе со своими великими современниками, святителями Василием Великим и Григорием Богословом, святитель Григорий Нисский оказал чрезвычайно значительное влияние на развитие церковной жизни.

Григорий Нисский

О девстве

(послание, содержащее увещание к добродетельной жизни, в двадцати трех главах)

1. Цель данного слова — возбудить в читателях стремление к добродетельной жизни. Так как брачная жизнь, по словам божественного апостола, полна суеты (развлечения, в смысле то, что занимает, отвлекает человека) (ср. 1 Кор. 7:35), то не без причины это слово представляет жизнь девственную, как некую дверь и переход к образу поведения более возвышенному, потому что вступившим в жизнь брачную нелегко с (душевным) спокойствием посвящать себя жизни божественной, а тем, кто полностью удалился от бурной этой жизни, очень легко «безмолвно приступить» (1 Кор. 7:35) к занятиям высшего рода. Но поскольку совет сам по себе не имеет достаточной силы убеждения и никто никого легко не склонит к полезному одними только словами увещания, если прежде не превознесет похвалами того, к чему склоняет слушателя, то слово это начинается похвалами девству, а затем переходит к увещанию. Далее, так как хорошие качества в каждом предмете бывают лучше видны при сопоставлении его с предметами

противоположными, то по необходимости здесь упоминается о невзгодах брачной жизни. Потом, как требует того добрый порядок, предложено некое начертание любомудренной жизни и доказано, что преданный мирским заботам не может ее достигнуть. Но так как в отрешившихся от мира плотское вожделение не действует, то естественно возникает вопрос: в чем состоит истинно вожделенное благо, ради которого мы и получили от Зиждителя нашей природы силу (желания)? А после того, как, по возможности, это раскрывается, оказывается, как и следует (ожидать), нужным определить, какой путь ведет к достижению этого блага.

2. Таким образом, открывается, что истинное девство, чистое от всякой греховной скверны, вполне соответствует тому, чего мы ищем, так что слово это, хотя в середине, как мы видим, касается некоторых других предметов, (тем не менее) все обращено на похвалу девству. Частные же правила, которые подвизающиеся в этой благочестивой жизни тщательно выполняют, во избежание растянутости слова опущены. Но предлагая убеждение вообще, в более общих правилах заключили мы некоторым образом и частные, так чтобы и не опустить чего-либо необходимого, и избежать излишества. А так как все обычно охотнее принимаются за какое-либо дело, когда видят, что

кто-то прежде достиг в нем славного успеха, то мы по необходимости упомянули и о святых, просиявших в безбрачии. Поскольку же примеры, содержащиеся в повествованиях, не так действенны в побуждении к преспеянию в добродетели, как живой голос и настоящие примеры добрых дел, то мы в конце слова по необходимости упомянули о благочестивейшем епископе и отце нашем (Василии Великом), который один только может научить нас этому. Упомянут он не по имени, но некоторыми чертами слово наше дает понять, что это тот, на кого мы указываем, — чтобы последующим читателям этого слова не показался бесполезным совет, предписывающий юношам обращаться за наставлением к тому, кто уже миновал (течение) этой жизни, но чтобы они, взирая только на то одно, каков должен быть руководитель в этой жизни, избирали себе путеводителями всегда таких мужей, на которых благодать Божия всегда указывает как на вождей в добродетельной жизни. Таким образом, они или найдут того, кого ищут, или не останутся в неведении относительно того, каким он должен быть.

Глава 1. О том, что девство выше похвал

1. Священный образ девства, который почитают все, кто полагает совершенство в чистоте, но избирают лишь те, кому в благом этом стремлении благосклонно содействует благодать Божия, несет в самом себе подобающую ему похвалу — в соименном ему названии, потому что слово «непорочность» (то *αφθωρον*), обычно употребляемое многими вместо (слова) «девство», указывает на чистоту его. Так из равнозначного имени можно постигнуть исключительность этого дара, поскольку, хотя много есть подвигов добродетели, но один только он почтен названием непорочности. Если же нужно и похвальными речами почтить этот великий дар Божий, то для этого достаточно (сказал) божественный апостол, заключив в немногих словах все превосходство похвал, когда украшенную этим даром назвал «святой и непорочной» (Еф. 5:27; ср. 1 Кор. 7:34). Ибо если подвиг досточтимого этого девства состоит в том, чтобы быть «непорочным и святым» (Еф. 5:27), а эти имена собственно и преимущественно употребляются для прославления «нетленного» (*αφθαρτος*) «Бога» (Рим. 1:23), то какая может быть похвала девству выше той, что для тех, кто приобщился чистых его тайн, оно оказывается некоторым образом боготворящим, соделывая общниками славы Единого, истинно «святого и непорочного» Бога (Еф. 5:27) тех, кто

соединился с Ним чистотой и нетлением.

Те же, кто распространяет протяженные похвалы девству в продолжительных речах, думая этим прибавить нечто к красоте девства, по-моему, обманывают сами себя и поступают вопреки собственной цели, теми самыми похвалами, которыми возвышают величие девства, делая подозрительной истинную его славу. Ибо все, что величественно по своей природе, само собой возбуждает удивление, нисколько не нуждаясь в содействии слова, как например: небо, солнце и все прочее дивное в мире; а более низким предметам слово, играя роль подмостков, искусственными похвалами придает некоторый вид мнимого величия. Потому-то часто удивление, возбуждаемое похвалами, становится подозрительно для людей, как поддельное. Одной похвалы достаточно девству: объявить его добродетелью выше всяких похвал и выражать удивление его чистотой более жизнью, чем словом. А тот, кто по ревности к прославлению делает девство предметом похвалы, тот, как кажется, думает, что может каплей своего пота увеличить беспредельное море, полагая, что человеческим словом можно возвеличить такой дар: он или не знает своих сил, или не понимает того, что хвалит.

Глава 2. О том, что девство есть

совершенство, свойственное Божескому и бестелесному естеству

1. Требуется немалая пронизательность, чтобы постигнуть исключительность такого дара, который сопутствует нетленному Отцу. Более же всего удивительно, что девство (сразу) обретается (συνελπίοεῖται) и в Отце, Который и Сына имеет, и родил Его бесстрастно; созерцается также и в «Единородном» Боге (ср. Ин. 1:18) — подателе нетления, как воссиявшее вместе с чистотой и бесстрастием Его рождения. И опять-таки удивительно, (что) Сын мыслится чрез девство. Точно так же созерцается девство и в естественной нетленной чистоте Святого Духа: ибо, наименовав Его нетленным и чистым, ты другим именем обозначил девство. Оно действует совместно со всяким премирным естеством, чрез бесстрастие сопребывая с горними силами, не отделяясь ни от чего Божественного и не сближаясь ни с чем противоположным (здесь — любое проявление зла: демонов, грешников, зло как таковое). Ибо все, что по природе и расположению склонно к добродетели, непременно украшается чистотой нетления, а все, что уклоняется в противоположную сторону, и является и именуется отпадением от чистоты. Так какая же сила красноречия сравнится с величием этого дара? И как не опасаться, чтобы

чрезмерными похвалами не повредить его великому достоинству, внушив слушателям мнение о нем менее высокое, нежели то, какое они имели прежде?

2. Таким образом, в отношении девства лучше оставить хвалебные речи, затем что слово не может соответствовать высоте предмета, и тем не менее, насколько возможно, (следует) всегда помнить об этом божественном даре и иметь на устах то благо, которое особенно и преимущественно принадлежит бестелесному естеству, но, по человеколюбию Божию, даровано и тем, кто получил жизнь от плоти и крови, дабы павшее от страстного расположения естество человеческое вновь восставить и возвести к горнему созерцанию, простерши ему, словно руку, причастие чистоты. Ибо потому, я думаю, и источник нетления — Сам Господь наш Иисус Христос — не чрез брак вошел в этот мир, чтобы образом Своего вочеловечения открыть ту великую тайну, что вход и пришествие Божие может и способна воспринять одна лишь чистота, достигнуть которой в совершенстве можно не иначе, как отрешившись всецело от плотских страстей. Ибо то, что произошло с непорочной Марией телесным образом, когда «исполнение Божества» (Кол. 2:9) во Христе воссияло чрез девство (чрез Деву), то же происходит и со всякой

душой, ведущей девственную жизнь по разуму. Хотя Господь не приходит более в телесном виде (ибо «не разумеем ктому по плоти Христа» (2 Кор. 5:16), говорит Писание), но духовно Он вселяется (в душу) и вводит с Собою Отца, как говорит где-то Евангелие (ср. Ин. 14:23).

3. Итак, поскольку сила девства такова, что оно и на небесах у «Отца духовом» (Евр. 12:9) пребывает, и с премирными силами торжествует, и человеческому спасению содействует, — поскольку собою вводит Бога в общение с человеческой жизнью, а человека окрыляет желанием небесного и делается как бы некоей связью содружества человека с Богом, чрез свое посредство приводя в согласие столь далеко отстоящее друг от друга по естеству, — то какая сила слова будет в состоянии объять это чудо? Но так как совершенно нелепо было бы уподобиться (существам) безгласным и бесчувственным и оказаться или не понимающим красот девства, или нечувствительным и равнодушным к ощущению этих красот, то мы готовы сказать о нем (кое-что) немногое, так как во всем должны повиноваться власти того, кто дал (нам такое) приказание (намек на Василия Великого). Впрочем, пусть никто не ждет от нас высокопарных речей: если бы мы и желали того, не могли бы, потому что к такого рода речам не приготовлены. Да если бы и могли говорить

напыщенно, то предпочли бы краткую речь тому, что вообще не приносит пользы. Ибо разумный человек должен во всем искать не того, что бы возбуждало восхищение им в сравнении с другими, но того, что могло бы принести пользу как ему самому, так и прочим.

Глава 3. Воспоминание невзгод брачной (жизни) и указание на то, что автор этого слова не безбрачен

1. О, если бы возможно было и мне от этого занятия получить некую пользу! С большим усердием взялся бы я за этот труд, если бы при составлении этого слова трудился с надеждой, по слову Писания, вкусить плода от своего «орания» и «молотьбы» (ср. 1 Кор. 9:10; Втор. 25:4). Но теперь знание красот девства для меня, так сказать, напрасно и бесполезно, как плоды для вола, с заграждением идущего на «молотьбу» (1 Кор. 9:9), или как для жаждущего — вода, текущая со скал, когда она для него недостижима. Блаженны те, в чьей власти избирать лучшее и кто не отгородился стеной, вступив в брачную жизнь, подобно нам (о браке Григория Нисского), которые словно бездной (ср. Лк. 16:26), отделены от славы девства, к нему же не может возвратиться никто, кто хотя бы

однажды сделал шаг в мирскую жизнь. Поэтому мы только зрители чужих совершенств и свидетели блаженства других. Если мы даже и правильно судим о девстве, то испытываем (лишь) то же, что повара и слуги, которые на трапезе богатых готовят роскошную пищу другим, но сами ни к одному из приготовленных яств не прикасаются. Какое было бы блаженство, если бы случилось не так и мы узнали это благо без запоздалых сожалений! Ныне же поистине завидна и достойна восхищения участь тех, кому не заграждена возможность наслаждаться этими благами! Мы же, подобно тем, кто, сопоставляя свою бедность с многообразием богатства, еще более тяготится своим настоящим положением и труднее его переносит, чем больше познаем богатство девственной жизни, тем больше оплакиваем иную жизнь, чрез сравнение с лучшим ясно видя, скольких и каких благ лишены мы. Не говорю о тех только благах, которые в будущем ожидают ведущих жизнь добродетельную, но и о тех, которые относятся к настоящей жизни. Ибо если кто захочет тщательно исследовать отличие этой жизни от жизни девственной, то найдет между ними почти столь же великое несходство, как между предметами земными и небесными. Истину этих слов могут познать все, кто внимательно рассмотрит сам предмет.

2. Но откуда начать повествование о

скорбной этой жизни? Или как зримо изобразить обыкновенные ее бедствия, которые известны всем людям по опыту, но которые природа каким-то неведомым способом сумела скрыть от самих изведавших, так что люди, в них пребывающие, добровольно их не ведают? Хочешь, чтобы мы начали с приятнейшей стороны? Итак, главное, чего особенно ищут в браке, — это радостная совместная жизнь. Пусть будет так; и мы опишем брак, счастливейший во всех отношениях: род знатный, богатство достаточное, возраст взаимно соответствующий, самый цвет красоты, сильное (взаимное) влечение и притом такое, какое только можно представить у одного лица к другому, то приятное соревнование, в котором один старается превзойти другого в любви. Добавим ко всему этому славу, власть, знатность и все, что угодно. Но посмотри и на скорбь, которая по необходимости соединена с перечисленными удовольствиями и мало-помалу их пожирает!

Я уж не говорю о зависти, которая преследует живущих счастливо, а также о том, что видимое благополучие в жизни легко уязвимо людским коварством, и что всякий, не получивший столь же счастливой доли, питает какую-то утробную ненависть к тому, кто его превосходит; и что по этой самой причине, из-за подозрительности, жизнь доставляет более печали, нежели удовольствия тем,

кто представляется нам благоденствующим. Но допустим, что и зависть не действует против них, хотя трудно найти человека, который бы достигал вместе и того, и другого: чтобы и счастлив был более других, и зависти избежал. Предположим, если угодно, что жизнь их свободна от всех неприятностей такого рода, и посмотрим, могут ли быть счастливыми живущие и в таком благополучии.

3. Какая же, скажешь, еще может быть печаль, когда даже и зависть не касается этих счастливых? То самое, говорю я, что они всегда и во всем наслаждаются счастьем, и разжигает в них печаль. Ибо доколе они являются людьми, эти смертные и тленные создания, доколе видят гробы тех, от кого родились. С жизнью их, если они хотя бы немного способны размыслить о ней, неразрывно соединена печаль. Ибо непрестанное ожидание смерти, никакими верными признаками не определенное, но по неизвестности будущего всегда также пугающее, как если бы (смерть) уже наступала, всегда примешивается к нынешней радости, страхом ожидаемого отравляя всякое удовольствие (от жизни). Если бы можно было, еще не имея собственного опыта, научиться опыту тех, кто уже приобрел его! Если бы возможно было другим каким-нибудь способом проникнуть в эту жизнь и рассмотреть, как обстоят дела, то сколько

добровольных перебежчиков переметнулось бы от брака к девству! Какая (была бы) бдительность и осторожность, чтобы не попасть как-нибудь в эти неизбежные сети, тяготы которых невозможно точно знать никому, кто сам не был в этих тенетах! Ибо ты увидал бы, если бы можно было видеть безопасно, большое смешение противоположностей: смех растворен слезами, печаль смешана с радостью; всему сопутствует ожидание смерти и отравляет любое наслаждение. Когда жених смотрит на любимое лицо, тотчас же непременно является у него и страх разлуки; когда он слышит приятнейший голос, представляет в уме, что когда-нибудь его не услышит; когда радуется, созерцая красоту, тогда особенно трепещет в ожидании скорби. Если посмотрим на то, что ценят юноши и чем увлекаются неразумные, а именно: на очи, (в окружении) ресниц сияющие, на брови, очи обрамляющие, на щеки, нежной и радостной улыбкой (озаренные), на губы, естественной алостью окрашенные, на волосы, золотистые и густые, различными плетениями главу украшающие, и вообще на всю эту временную красоту, то, если в ком есть хотя сколько-нибудь рассудка, непременно представит в душе своей и то, что эта красота некогда, разрушившись, погибнет, обратится в ничто, вместо видимого теперь сделается гнусными и безобразными

костями, не оставив ни следа, ни памятника, ни остатка нынешнего цветущего вида.

4. Если кто размыслит об этом и о подобном, тот может ли жить в веселии? Неужели он будет доверять нынешним своим благам, как вечно пребывающим? Не ясно ли из этого открывается, что такой (человек) почувствует смятение, словно бы от обманчивых сновидений, и (будет) недоверчиво относиться к этой жизни, взирая на видимое как на чуждое? Конечно, понимая, если только можешь сколько-нибудь судить о существующих предметах, что ничто из являющегося нам в жизни не является таким, каково есть, но по обманчивому представлению кажется одним вместо другого, обольщая обращающихся к нему надеждами и укрываясь под ложным видом являемого, пока чрез внезапное изменение не окажется чем-то другим вопреки человеческой надежде, которая по ошибке рождается у неразумных. Итак, многого ли стоящими покажутся удовольствия жизни тому, кто подумает об этом? Будет ли на самом деле радоваться так рассуждающий и будет ли наслаждаться кажушимися ему благами? Не (правда ли, что) он, волнуемый страхом перемены, всегда будет пользоваться нынешними благами без (всякого) удовольствия?

5. Опускаю предзнаменования, сны,

предчувствия и прочие подобного рода нелепости, все, что по суетному обычаю наблюдается и толкуется в худую сторону. Но вот наступает время родов для молодой женщины; и них видится не рождение ребенка, но приближение смерти; потому что в родах грозит смерть родильнице, и часто это худое предзнаменование не обманывает их; прежде, нежели отпразднуют день рождения, прежде, нежели вкусят какое-либо из ожидаемых благ, вдруг радость изменится в плач. Еще страстью пылая, еще во цвете лет пребывая, еще удовольствий этой жизни желая, они, словно в каком-то сонном видении, вдруг лишаются всего, что имели. Что же далее? Брачная опочивальня опустошается домашними, как врагами, и вместо ложа брачного красуется ложе смертное. При этом стенания бесполезные, рук удары напрасные, о прежней жизни воспоминания, тем, кто присоветовал вступить в брак — проклятия, жалобы на друзей, которые не помешали; в большой вине родители, если живы; если же нет, то сетования о жизни человеческой, обвинение всей природы, великий ропот и негодование на самоё божественное Провидение; борьба с самим собой, война с теми, кто увещевает; ничто не сдерживает глупейших речей и дел. А часто у тех, в ком страсть берет перевес и от излишней печали теряется рассудок, эта сцена завершается еще более

прискорбным концом, когда несчастный не в состоянии пережить своего несчастья.

6. Но оставим это; предположим лучшее: опасность родов миновала, и у супругов родился ребенок, отображение красоты родителей. Что же? Уменьшилось ли от этого поводов для печали? Не увеличилось ли еще более? Ибо и прежний страх имеет еще силу и новый прибавился — за дитя, чтобы не случилось чего-либо худого во время его вскармливания, чтобы какой несчастный случай, какое непредвиденное обстоятельство не причинили или болезни, или уродства, или другой какой беды. Это в равной мере относится к обоим родителям: но кто исчислит принадлежащее собственно супруге? Мы опустим обыкновенное и всем известное, а именно: тяжесть беременности, опасность во время родов, труды при воспитании, и что сердце ее соединено неразрывно с рожденным дитятей, так что если она мать многих детей, то душа ее разрывается на столько (частей), сколько их у нее числом; случившиеся с ними несчастья она переживает своим сердцем. Все это и подобное, всем известное, кто может выразить? Но поскольку, по божественному определению (ср. 1 Кор. 7:4), жена не госпожа себе, но имеет «обращение» к тому, кто «обладает» ею посредством брака (Быт. 3:16), то если она хотя бы на короткое время разлучится с ним, то не выносит одиночества,

словно отторгшись от главы, и малейшее удаление от мужа кажется ей каким-то приготовлением ко вдовству. Тотчас страх отчаяния заслоняет самые светлые надежды, и потому очи ее, полные смятения и опасения, прикованы к двери дома; слух наблюдает за шепотом людей; сокрушается сердце, раздираемое страхом, и прежде, нежели получено какое-либо известие, один шорох у дверей, или воображаемый, или на самом деле послышавшийся, как какой-то вестник бедствия, внезапно приводит душу в трепет. Может быть, вне дома все благополучно и не случилось ничего, достойного боязни, но замирание (сердца) предваряет известие и от ожиданий приятных обращает мысль к противоположным. Такова жизнь счастливых — поистине достойная. Но и она в сравнение не идет со свободой девства!

7. Тем не менее многое, еще более тягостное, слово наше обошло молчанием. Ибо часто также «она», еще юная летами, еще сияющая красотой невесты, еще, может быть, краснеющая при входе жениха и стыдливо на него взирающая, когда и страсть, сдерживаемая стыдом в своем обнаружении, обыкновенно бывает пламеннее, вдруг делается вдовой, несчастной, одинокой и оправдывает на себе все эти страшные названия; и вот ее, до сих пор одевавшуюся в светлую, блестящую и нарядную одежду, внезапно

случившееся несчастье облакает в черное платье и повергает в скорбь, похитив брачные украшения. Затем вместо блеска — мрак в спальней комнате, жалобные вопли и рыдания, ненависть к тем, кто хочет утишить скорбь; отказ от пищи, изнеможение тела, упадок духа, желание смерти! часто способное довести до самой смерти. Если же со временем это горе несколько утихнет, то опять другая беда: остаются ли дети или нет. Если остаются, то они, конечно, сироты и потому жалки, и чрез них скорбь снова оживает; если же их не осталось, то совершенно исчезает напоминание об умершем, и это горе недоступно никакому утешению.

8. Опускаю другие беды вдовства, ибо кто может их все подробно исчислить? (Не говорю) о врагах и домашних: одни обижают несчастную, другие радуются ее одиночеству и недобрым оком со злорадством поглядывают на разрушающийся дом; (молчу) о слугах, ни о чем не заботящихся, и обо всем прочем, чего так много можно видеть в таких обстоятельствах. От этого многие, по необходимости, решаются вторично претерпеть подобные бедствия, не вынося ядовитого смеха людей и словно бы (думая) своими бедами отомстить своим обидчикам. Тем не менее многие (о вдовах, которые предпочитают умереть вслед за мужьями, нежели второй раз выйти замуж), помня, что случилось прежде, лучше соглашаются